

АЛЕСЬ МАРТИНОВИЧ

Цветок, над которым не властно время

Есть песни, присутствие которых в нашей жизни очень ощутимое, подчас даже кажется, что существовали они всегда. Сколько помнишь себя, ее мелодия живет в твоей душе. Был мальчишкой — она звучала. Подрос — еще свободнее расправила свои крылья. Начал чувствовать за спиной тяжесть прожитых лет — она не стареет. Да и как она может состариться, когда вся наполнена светом, над которым не властно время. Среди таких песен и «Люблю наш край...», которую можно услышать и на торжественных мероприятиях, и во время праздничных концертов, да и просто в компании. К сожалению, не многие из тех, кто давно полюбил это произведение, знают, что автором песни является поэтесса Констанция Буйло.

Справочникам доверяй, но проверяй

Энциклопедические справочники утверждают, что Констанция Буйло родилась 14 января 1893 года в Вильно. Но это тот редкий случай, когда им доверять нельзя, ибо они, мягко говоря, врут. Нет, Констанция Антоновна действительно впервые увидела свет именно в этот день, но произошло это вовсе не в Вильно. А вот где — сегодня сказать тяжело. Те же справочники до недавнего времени утверждали, что на Ошмянщине, в деревне Барсуковина. Действительно, маленькой Констанции довелось жить в этой деревне вместе с родителями, но было это чуть позже, когда она подошла к тому возрасту, в котором память уже могла сохранить первые детские впечатления, а они как раз и связаны с Барсуковиной. Родилась же она, скорее всего — в Молодечно. А Вильно «всплыло» потому, что в этом городе ее крестили.

Да и отец будущей поэтессы, Антон Александрович, какое-то время жил в Вильно, работал там конюхом у князя Гагарина, а с 1895 года был объездчиком, поэтому семье часто приходилось переезжать с места на место. Но где бы они ни оказывались, это были как на подбор красочные, неповторимые в своей прелести места. Впечатления от общения с природой она пронесла через всю жизнь.

Вспоминала: «Вось адзін з першых, яшчэ не вельмі выразных успамінаў. Шырока льецца вада ля парога дома і праз парог. Дрэвы ў вадзе. На ўзгорках каля дрэў туляцца сарны, іх шмат. Алені бегаюць па вадзе, іх толькі два. Бацькі выносяць усе рэчы на другі паверх вялізнага, старога палаца, дзе на гарышчы гучна крычалі совы і пішчалі, нячутна лятаючы, кажаны. Гэта паводка на Іслачы ў Звярынцы, дзе працаваў мой бацька аб'ездчыкам у графа Тышкевіча. Тады я была зусім малая».

С ранних лет открыла для себя и неповторимую прелесть леса: «Другі, больш выразны ўспамін — гэта сасновы бор, які пачынаўся адразу за нашым домам. Маці пагнала карову да статка, а я пабегла за ёй. Яшчэ не ўзыходзіла сонца, і мне было трошкі страшна бегчы ў лес. Абапал стаялі дрэвы. Злева цягнулася балота, там раслі дрэвы дробныя і было шмат моху, на якім расцілаўся журавіннік — дробненькія лісточкі на тоненькіх, як нітачкі, галінках. Справа стаялі высокія

чырванастволья сосны з шырокімі густа-зялёнымі вяршынямі. Я аслупянела, зачараваная цудоўным відовішчам, на вяршынях усімі колерамі вясёлкі загарэлая густая раса».

А это еще одно место, где жила семья: «Сугвазды — маленькі домік ля садка з разваленым плотам і каламутнай сажалкай з карасямі. У садку раслі яблыні, грушы, слівы. Было вельмі цікава раніцою па халоднай расе выбегчы босай у сад падбіраць падалкі, збіраць сыраежкі, якіх так было шмат».

Во всем этом — поэзия. Природы, повседневности, самой жизни. Картины ее западали в душу любознательной девочки, чтобы тогда, когда появится желание писать, подсказать темы стихотворений. Впечатления детства будут оставаться живительным источником творчества в течение всей ее жизни. Родятся новые стихотворения, в том числе и «Ружы» — как воспоминание о годах, когда отец служил в поместье графа Бутянова-Хрептовича. В этом произведении — не только радость от общения с природой, от ее красоты, но и горечь:

Што убачыш, калі прад табой частакол —
Толькі нос у шчылінку пралазіць!

Ты малая зусім. І прыгожы той сад
Цябе вабіць, у снах табе сніцца:
Ружаў белых, чырвоных і жоўтых там шмат,
Водар іх навакола бруіцца...
Не для нас тья ружы ў садзе раслі...

Книга — хорошо, «Наша ніва» — лучше

Манили Кастусю — так ее звали домашние, лучшая же подруга Владислава Станкевич, которая, как известно, позже вышла замуж за Янку Купалу, иначе как Косточка и не называла, — однако, не только розы. Она росла девочкой любознательной и впечатлительной. И талантом не обделенной. А что душу имела поэтическую, так это, по-видимому, передалось от матери. У Анастасии Францевны был чудесный голос. Когда она пела в костеле, послушать ее люди приезжали издалека. Дома же создала семейный хор. Певцами в нем были все: сама хозяйка, Антон Александрович, дети Стася, Эдик, Инна, Витя. Не обходилось и без Кастуси, которая старалась не отставать от других. И к науке охоту имела. Уже в шестилетнем возрасте умела читать, что для того времени было редкостью для деревенских детей. Ее братья и сестры также любили книгу.

Любил книгу и отец Констанции — Антон Буйло, собрал приличную домашнюю библиотечку. На полках всегда стояли книги известных русских писателей, а также «Дудка беларуская» Мацея Бурачка. Любил сам перечитывать да и детям советовал прочитать поэму «Тарас на Парнасе». Если каких-либо книг под рукой не оказывалось, брал их у знакомых, когда по делам навевывался в другие поместья или попадал в город. В Вильно заказывал и детскую литературу. Поэтому Констанция рано познакомилась с творчеством Адама Мицкевича, Тараса Шевченко, Михаила Лермонтова и других писателей.

Однажды отец пришел домой не только с книгами, но и с газетой. Поспешил поделиться своей радостью:

— Смотрите, детки, наша...

— Наша? — послышалось несколько удивленных голосов. — Почему наша?

— А потому, что мужицким языком писана, — пояснил отец. — Да и называется она «Наша ніва».

Газета пошла по рукам. Каждому хотелось с ней познакомиться первому. Наконец, сошлись на том, что лучше организовать коллективную читку. Газета поразила Констанцию. Особенно ей понравились стихи Янки Купалы и Якуба Коласа.

Сестра пишет, брат печатает

Через некоторое время ей и самой захотелось что-нибудь написать. Так и появилось первое ее бесхитрое стихотворение, которое называлось «Лес». После него написала еще несколько стихов.

Было это в 1909 году. Брат Эдуард предложил послать эти произведения в «Нашу ніву», но Констанция почему-то испугалась и, как ни уговаривал ее брат, отказалась. Тогда Эдуард сказал, что пошлет стихи сам. Она согласилась с таким предложением. Однако возник вопрос, кого в таком случае считать автором. «Подписывай своим именем», — предложила Констанция. Своим, так своим...

С нетерпением ожидали результат. Не верилось, что из этой затеи что-нибудь получится. Но когда пришла «Наша ніва» за 27 февраля 1909 года, на одной из ее страниц увидели стихотворение «Хвоя», под которым значилось: «Э. Буйло. Андравонж, Ашм. п.». От радости перечитали его несколько раз:

Стаіць хвоя ў полі,
Думае панура:
Што тады з ёй будзе,
Як спануе бура?

Як даждліва хмары
Паплывуць па небе,
Як застогне вецер,
Веткі пацярэбе.

Ох, тады не мала
Пагубляў сілаў,
Не раз сведкай будзе
Не адной магілы!

Адно мае веру,
Што заблісне сонца,
Лёгка ў сваім краю
Будзе жыць сасонцы!

В том же 1909 году были опубликованы стихотворения «Салавейка», «Хаўтуры», «Звон», в следующем, 1910-м — «На чужыне»... Но по-прежнему в качестве автора указывался Э. Буйло. Однако уже автором стихотворения «Лес», помещенного в «Першым беларускім каляндары «Нашай нівы» за 1910 год, значится как подпись К. Буйло. Как и под произведениями «Вясной», «Мне сніўся сон», «Дзяўчына», «У бяссонную ноч», «Курган», что также были напечатаны в «Нашай ніве» в 1910 году.

Констанция Буйло наконец поняла, что игра в прятки дальше продолжаться не может. Правда, скромность Констанции Антоновны во время ее творческой молодости на длительное время ввела в заблуждение исследователей белорусской литературы. Они были уверены, что и в самом деле был такой поэт — Э. Буйло, который погиб в Первую мировую войну под Ригой. По крайней мере, такое объяснение появилось в связи с публикацией в антологии «Беларуская дакастрычніцкая паэзія» стихотворений «Хвоя» и «Скора зіма».

Заприметил Янка Купала

И произведения под фамилией Э. Буйло, и стихотворения, под которыми значится ее имя, хотя и не имеют каких-то особых художественных открытий, тем не менее, уже свидетельствуют о задатке таланта. Одним из первых увидел это Янка Купала, который, не будучи еще лично знаком с Константицией Антоновной, посвятил ей стихотворение «Мая думка». Оно было напечатано в «Нашай ніве»

2 сентября 1910 года, где значилось «Ахвярую Канстанцыі Буйло» с пометой «Петербург, 19.VIII 1910». Начиналось произведение такими строками:

Як вецер, як птушка, дзе сонца, дзе зоры,
Так рвецца, нясецца ў даль думкая мая;
Абоймецца з небама, пакоціцца ў мора,
У вялікае мора людскаго жыцця.

І ўдарыцца ў сэрца так сумна, балесна,
Як лісцем віхура, такім скалыне,
Так ім закалоціць, аж выклікне песню...
Ўжо з песняй ляціць зноў да зор к вышыне...

Стихотворение в ответ она напишет только через три года — в 1913-м, когда познакомится с Иваном Доминиковичем, и назовет это произведение «Звон», обозначив после заглавия «Янку Купалу»:

Ён плыў над палямі з жытнёваа хваляй,
Праносіўся ў далі, ляцеў,
То рэхам над лесам, а то калыхаўся
І мякка і плаўна гудзеў.

Гудзеў над лугамі, ляцеў над палямі,
Над нівай, над сёламі плыў,
А гукі яго дзіўнай нотай дрыжалі
То як бы ў задуме, то як бы ў жалю,
І чуўся ў ім гулкі прызыў...

Ён зваў да жыцця і да лепшае долі
Усіх, хто сном каменным спаў;
І сну ледзянога апалі аковы,
І ўстаў народ цэлы, і ўстаў як бы новы,
Да бою за волю устаў.

Позже Буйло в своих стихах не однажды будет обращаться к поэту, с которым подружится. Не в последнюю очередь, безусловно, потому, что постоянно будет поддерживать связь с Владиславой Станкевич. Но на эту дружбу повлияет и то, что после первого же знакомства с Купалой она почувствует его большую притягательную силу, а он, в свою очередь, будет относиться к ней как к человеку, духовно близкому ему.

Уважительно, но требовательно

Первая встреча ее с Иваном Доминиковичем произошла в 1910 году, когда Буйло оказалась в Вильно. Еще до того, как начала заниматься на учительских курсах, работающих в этом городе. Но это будет позже, а тогда она просто пришла к Станкевич и уговорила ее посетить редакцию «Нашай нівы». Однако, даже если бы и не уговорила, все равно поспешила бы туда — как это быть в Вильно и не побывать в «Нашай ніве». Тем более, что недавно в газете было помещено то самое стихотворение Купалы «Мая думка», посвященное ей.

И вот желанный дом, где размещалась редакция. Волнение, хорошо знакомое каждому автору, который неожиданно попадает в атмосферу, ощутить которую мечтал давно. Однако волнение это было напрасным: «Вельмі ветліва сустрэлі мяне там Янка Купала, Цётка, Бядуля, Цішка Гартны. Спатканне было надзвычай цёплым і сардэчным». Разумеется, особенно ее интересовал Купала. Однако он сначала не высказал особенного интереса к неожиданным посетительницам. Хотя, скорее всего, не подал вида. И только после того, как все присутствующие в комнате, в том числе Буйло и Станкевич, посмеялись

над остроумной эпиграммой Максима Богдановича на Купалу, решил лично познакомиться с той, за чьим творчеством следил внимательно и кому посвятил свое стихотворение.

Этот момент она пронесла в своей памяти через всю жизнь, а впечатление от знакомства передала в статье-воспоминании «Вялікая дружба»: «У гэты час нехта ззаду, узяўшы мяне за плечы, павярнуў да сябе. Я падняла вочы на даволі высокага, сталага хлапца з хударлявым тварам і праніклівымі, глыбокімі сінімі вачыма. Ён уважліва глядзеў на мяне, быццам вывучаючы. «Ты, мусіць, Буйлянка, — сказаў ён, — ну, а я — Купала, дык давай знаёміцца. — І ён пацалаваў мяне. Гэта было так не падобна на ўсё тое, да чаго я прывыкла, але разам з тым, усё было зроблена з такой сардэчнасцю, што я нават не здзівілася».

Возможно, тогда бы и разошлись, успев переброситься несколькими словами, если бы у этого знакомства не было неожиданного продолжения: «Вечарам высветлілася, што ўсе мае знаёмыя паехалі, і мне няма дзе начаваць. Купала прапанаваў мне пераначаваць у рэдакцыі... На другім паверсе, у кабінце рэдактара, была шырокая, мяккая канапа, вялікі дубовы стол; засланы зялёным сукном». Выбора у Буйло не было, и она согласилась. И не пожалела, ведь получила возможность познакомиться с комедией Купалы «Паўлінка». Сама, правда, предложила ему прочитать другие стихи, но Купала отдал предпочтение именно этому своему произведению. Сначала «доўга чытаў сам, а потым, змарыўшыся, перадаў сшытак мне. «Цяпер прачытай ты крышачку, а я адпачну».

Читала с большим восхищением «і так увайшла ў ролі герояў, што спрабавала нават іграць іх, змяняючы голас і міміку твару. Янка задаволена слухаў. «А ты добра чытаеш». И Буйло высказала восхищение Павлинкой, которая ей очень понравилась. Купала признался, «што ёсць у Вільні дзяўчына, і завуць яе таксама Паўлінка, і з яе ён узяў тып Паўлінкі для сваёй п'есы (имел в виду Павлину Мядёлку — А. М.)».

Когда Констанция Буйло училась на учительских курсах, жила на одной квартире с Владиславой Станкевич, и они часто навещались в редакцию «Нашай нівы», где встречались с Купалой и другими сотрудниками. Итогом этих встреч стала его любовь к Владке, на которой он женился, и продолжение дружбы с Буйло, в которой, как никто другой, увидел немалые творческие задатки, высоко оценивая ее поэзию. А когда переехал в Петербург, слал письма, в которых сообщал, «як ідуць выдавецкія справы, раіўся па справах выдання і выказаў свае думкі аб вершах, якія яму падабаліся». Хотя это не значило, что принимал все без разбора. Напротив, оставался требовательным, в чем признавался: «Прышлеш сшытак вершаў, пераглядаю іх з цікавасцю, бо сярод звычайных, больш-менш хороших, часам блісне такі сапраўдны алмаз, што прыемна робіцца на душы».

Расцвела «Курганная кветка»

Янка Купала и предложил ей собрать лучшие стихи, чтобы издать книгу. Эта идея, даже своего рода как бы толчок, который позволил сконцентрироваться на том важном, до чего пока не доходили руки, для нее много значил, ведь сама она вряд ли решилась бы на подобный шаг, потому что относилась к своему творчеству критически. Может и чрезмерно, о чем свидетельствует и признание, что прозвучало из ее уст, когда прожила уже семьдесят лет: «Я не зусім верыла гэтым словам (той оценке, которую Купала давал присланным ему стихотворениям — А. М.), адносячы іх да жадання вялікага майстра падтрымаць у маладога аўтара веру ў сябе, каб дапамагчы яму працаваць далей».

Эта чрезмерная самокритичность тем более очевидна, что высоко оценивал ее первые произведения не только Купала. Максим Богданович также возлагал на молодую поэтессу большие надежды. В 1911 году он писал в статье «Глыбы і слаі»: «Канстанцыя Буйло абяцае развіцця ў праўдзівых асабісты талент». Через

два года Богданович подтвердил свои первоначальное мнение: «Гладка, як і раней, пісала Канстанцыя Буйло».

Первая книга Буйло «Курганная кветка» вышла под редакцией Купалы в 1914 году в Виленском издательстве Мартина Кухты. Переплет оформил художник Язеп Дроздович, который на то время также находился еще только в начале своего творческого пути. Однако образ женщины-сфинкса он разместил, по-видимому, не без подсказки Купалы. Полагать так можно на том основании, что Иван Доминикович этот замысел оформления обложки «Курганной кветкі» так объяснял самой Буйло: «Ты жанчына — і ты сфінкс. Ты пакуль што загадка для іншых, ды, мусіць, і для самой сябе. Пышная шапка вакол галавы сфінкса — гэта твае мары, твае фантазіі».

Правда, само стихотворение «Курганная кветка» в книгу не вошло, хотя было написано в том же 1914 году, но после того, как сборник был уже готов. А жаль, ведь это произведение органически вписалось бы в его содержание, которое в основном связано с воспеванием любви, этой великой силы, способной пробудить человека, изменить, сделать его намного лучше, вселить в него уверенность в то лучшее, что может ждать его впереди. Обязательно нужно ждать, иначе зачем и жить, когда нет веры в лучшее. А «Курганная кветка» — пусть и не про любовь, но стихотворение это все же о всепобеждающей силе жизни, без которой и любви не бывает. А также о том, что добро и внимание способны творить чудеса. Даже цветок, который растет всеми забытый на кургане, при благоприятных условиях может расцвести:

А ты ... ціха, аспярожна
Палі кветку ў смерці садзе...
Акрапі жывой вадою
Веры ў шчасце і надзеі,
І другою мо красою
Сэрца-кветка зарунее, —
І мо кіне на бур'яне
Да зямелькі прыпадаці,
Слёзы-росы праліваці,
На магіле, на кургане.

Надо стремиться, чтобы этот цветок не зачах. Тогда, может, «яна ўзімецца ўгору // і засвеціць бляскам зораў // На палёў прасцяг шырокі...» Иначе и нельзя:

Бо не плачай ёй радзіца,
Ценем смерці не ўзрастаці,
А жывой красою ірдзіца,
К сонцу, к шчасцю заклікаці.

Так родилась «Дзявочая паэзія»

Открывается книга программным стихотворением «То не песня...», ведь в нем Буйло, как и другие поэты, которые входили в литературу на волне национального возрождения, вызванного русской революцией 1905 года, призывала родной народ к борьбе за лучшее будущее, не отделяя его от своей:

То не песня мая так далёка ляціць,
Як хаўтурны той звон, гэтак шумна гудзіць, —
То не песня мая —
Не пяю гэтак я...
Гэта вырваўся энк з набалелай душы
І расплыўся кудысь сярод шумнай цішы...

Некоторые другие стихотворения — тот же «Звон», посвященный Купале, «Хаўтурны звон», «Курган» (очевидно наследование от Купалы, как и в фантастической зарисовке «Кветка папараці»; вошла в книгу и драма «Сягонняшнія і даўнейшыя»), «На могілках» — также как бы выпадают из главной концепции

сборника, но, читая их, убеждаешься, что Буйло по своему таланту прежде всего лирик. Как точно подметил Олег Лойко, «ёю менавіта пачата ў роднай літаратуры так званая дзявочая паэзія».

Особенность таланта Констанции Антоновны первым отметил Антон Навина (Луцкевич) в своей книге «Нашы песняры», которая вышла в 1918 году. Здесь он сопоставил творчество Буйло и Тетки: «Цётка — уся адзін парыў у высь, да вялікіх ідзалаў. Яна б'ецца са злыбедамі жыцця, надрываючы свае сілы, яна змагаецца з нядоляй і няволяй свайго роду, а шчасце асабістае — гэта толькі ціхае, таёмнае жаданне збалелай душы. Буйло — маладая, поўная сіл і ахвоты да жыцця дзяўчына з гарачым сэрцам і чыстай душой, маючы 18—20 гадоў. І не дзіва, што на першым месцы ў яе стаіць асабістае шчасце, што ў яе верхах чуюцца гарачыя словы кахання, што яна ждзэ той любові, якую бачаць толькі ў марах-снах, якую душа яе прадчувае».

Констанція Буйло призналась в зрелые годы: «Я пісала вершы пра каханне, калі яшчэ не была перапоўнена ім». Тем не менее, произведения о любви: «Помніш вечар?...», «Чаму?...», «Не магу...», «Не глядзі...», «Адна», «Мне сніўся сон» и другие очень правдивы, лирическая героиня их предстает человеком, созданным для высокого чувства, который знает цену настоящей любви.

Особо выделяется стихотворение «Адна», в котором звучит тоска по потерянной любви: «Адна, ізноў адна, як колас той у полі // Не сцяты ў час жніва нагостраным сярпом, // Зламаны ветрамі гулячымі на волі // Між апусцелых ніў, палосканных дажджом». А вслед за этой тоской появляются и отчаяние, неверие, когда кажется, что одиночество неслучайно.

І сумна, сумна мне. Дзе ж той, каго любіла?
Дзе ж тыя, што мяне любілі так даўней?!
Адны забыліся, другіх узяла магіла...
І жаль мне прошлых мар, шчаслівых шкода дней.

«Люблю наш край...»

Поэтическим шедевром, конечно же, стало стихотворение «Люблю», написанное Буйло в двадцатилетнем возрасте. Казалось бы, простое название. Вроде бы и в содержании ничего особенного. Только эта простота обманчивая, ведь поэтесса смогла сказать очень много, признавшись в любви к своему народу Беларуси так, что читателя наполняет чувство эмоционального подъема, умиления, любви ко всему родному:

Люблю наш край — старонку гэту,
Дзе я радзілася, расла,
Дзе першы раз спазнала шчасце,
Слязу нядолі праліла.

.....

Усё ў гэтым краі сэрцу міла,
Бо я люблю край родны мой,
Дзе з першым шчасцем я спаткалась
І з гора першаю слязой.

И подумать поэтесса, наверное, не могла, что у стихотворения «Люблю» будет столь счастливая судьба. Оно приобрело такую популярность, что вскоре стало народной песней. Ее пели повсюду, часто даже не догадываясь, кто автор слов. Также немногие знают, что произведение положено на музыку профессиональным композитором. Что и не удивительно, ведь Микола Ровенский после разгрома немецко-фашистских захватчиков очутился в эмиграции.

Случилось так, что и Констанция Антоновна большую часть своей жизни провела за пределами Беларуси, живя сначала в Подмоскowie, а потом в Москве. Конечно, тогда это была единая большая страна. Буйло привыкла к столице, где ей многое было дорого и близко. На предложения белорусского правительства и Союза писателей БССР переехать в Минск отвечала отказом. В общении с белорусскими писателями и журналистами, которые навещали ее (тогдашний заместитель главного редактора газеты «Голас Радзімы» Диана Черкасова даже написала о ней книгу «Люблю»), была жизнерадостной, бодрой и никто не догадывался, что у нее на душе. А на душе была боль, которая с годами не слабела.

Годы испытаний

Поработав после окончания курсов в Вильно учительницей на Лидчине, Буйло заведовала книжным магазином в Полоцке. Это ей порекомендовал Купала. Когда началась Первая мировая война, и появилась угроза немецкой оккупации, оставила Беларусь. Возможно, и не решилась бы на такой шаг, но Констанция уже была замужем. Муж и настоял на переезде.

Оказались в Подмоскowie, в Волоколамском уезде. Виталий Калечиц работал главным агрономом, потом возглавил первый в стране полеводческий совхоз, а она — бухгалтером. 11 февраля 1917 года у них родился сын, которого назвали Женя. Однако это событие вскоре было омрачено. Отец Констанции Буйло, узнав о появлении внука, захотел его повидать и поспешил к дочке и зятю. Но в дороге заболел воспалением легких. К сожалению, врачам спасти его не удалось.

В Москве Констанция Антоновна, теперь уже Калечиц, с семьей окончательно обосновалась в декабре 1925 года. Перед этим в мае 1923 года ее муж стал заведующим павильона Средней России на сельскохозяйственной выставке, которая тогда только что открылась. Семье выделили небольшую комнатку в двухэтажном деревянном доме. Выставка, правда, работала только год. После закрытия ее мужу, Виталию Адольфовичу, довелось неоднократно менять место работы. Она же стала домохозяйкой.

С получением трехкомнатной квартиры по Тихвинскому переулку, 11, проблем в семье поубавилось, а в 1928 году Констанция Антоновна, наконец, смогла устроиться на работу — ее взяли монтажницей в цех лабораторного оснащения завода «Агроном». Творческой эту работу, безусловно, никак нельзя назвать, но приходилось довольствоваться и этим. Давно тосковала дома без работы, да и заработков мужа не хватало, чтобы прокормить семью. На литературные же гонорары рассчитывать не приходилось: стихотворений почти не писала. Сначала это было связано с закрытием «Нашай нівы», с которой сотрудничала с большим удовольствием. В другие же издания произведения предлагала редко. Помимо того началась творческая депрессия. Явление нередкое в литературном мире, когда после первой книги авторы (и не только поэты) замолкают надолго, а то и совсем неспособны создать что-то новое. А еще через некоторое время стало совсем не до творчества.

В начале 1933 года арестовали мужа, обвинив в том, что он вроде стал последователем учения А. Чайнова, которого считали «врагом народа». Мужа больше она не видела. Последнее воспоминание о нем то, как Виталий Адольфович вывернул карманы и положил на стол три рубля. Отдал все, что у него было. Понимал, как тяжело будет ей и сыну. А она и в самом деле осталась с пятнадцатилетним сыном без средств к существованию, ведь вскоре после ареста мужа была уволена с работы.

Когда в доме не осталось ни корки хлеба, в отчаянии решилась на шаг, который мог стоить ей жизни или, в лучшем случае, ареста. Но тогда было не до раздумий. Попала на прием к следователю ГПУ и в отчаянии заявила:

— После ареста мужа меня уволили с работы. Как же мы можем с сыном прожить?!

Тот не успел и слово промолвить в ответ, как она добавила еще более решительно:

— Тогда и нас арестовывайте, все равно умрем от голода!

На одном дыхании выпалила и испугалась.

Со стороны следователя ждала любой реакции, к самому страшному была готова, но то, что произошло, иначе, как чудом и не назовешь.

Следователь позвонил на завод и приказал восстановить ее на работе. Честным человеком оказался. А поскольку он звонил не только от своего имени, но и от имени ГПУ, на заводе ее не только восстановили на работе, но и назначили вскоре заведующей складом. Потом до выхода на пенсию она работала на базе лабораторного оснащения.

По-прежнему практически не печаталась. Уже не только потому, что мало писала: жене «врага народа» было почти невозможно пробиться на страницы газет и журналов. А если что-то и появлялось из-под пера, так ей и самой не очень нравилось. Чувствовала, что по сравнению с произведениями, опубликованными раньше, в том числе и в «Курганной ветвях», стихи выглядят значительно слабее. Поэтому, когда готовила для издательства «Мастацкая літаратура» «Выбранныя творы ў двух тамах» (увидели свет в 1981 году), включила только четыре стихотворения, написанные после «Курганной ветки» до начала войны. Они датируются следующими годами: «Не кукуй, зяюля!» (1934), «Мяцеліца» и «***Таму мне сумна жыць на свеце» (оба 1937), «Восень» (1936).

Наиболее соответствует ее тогдашнему настроению стихотворение «***Таму мне сумна жыць на свеце», в котором не прятала боли, однако вместе с тем и верила в лучшее:

Таму мне сумна жыць на свеце,
Што я, не ведаю чаму,
Стаю — як колас у замеці...
Суровы вецер дрэвы гне,
Мароз бязлігасны рагоча...
А я ... заплюшчу шчыльна вочы,
Хай студзіць гора — белы снег..
Я сэрца гору не аддам,
Вясна ўзнімецца над краем!
Сплыве мой боль — як бурна ў маі
Сплывае чорная вада.

Немного стихотворений Буйло, написанных в довоенный период, дошло к читателю еще и потому, что некоторые из них погибли. События разворачивались следующим образом. 28 сентября 1940 года в газете «Літаратура і мастацтва» была помещена статья И. Ляндреса «Забытая паэтэса», автор которого сказал немало хороших слов о творчестве Констанции Антоновны и высказал пожелание Государственному издательству БССР выпустить новую книгу ее стихотворений. Вырезку с этими статьями прислал Констанции Буйло Купала. Иван Доминикович просил как можно скорее собрать лучшие произведения и выслать ему.

Констанция Антоновна вспоминала: «Я адразу прыступіла да гэтай работы. Перапісаўшы шмат вершаў, адаслала іх Купалу. Уладзіслава Францаўна пісала мне, што яна патраціла шмат часу, перадрукоўваючы гэтыя вершы. Але зборніку не давялося ўбачыць свет: ён згарэў у пажары ў Мінску». По-видимому, Купале были посланы не только копии стихотворений, но и оригиналы некоторых из них.

Второе дыхание

Голос Буйло на полную мощь опять зазвучал в годы Великой Отечественной войны. Но это были в основном стихотворения публицистического содержания, что соответствовало тогдашним реалиям. Хотя, если отнестись к ее творчеству объективно, и в начале своей литературной дороги Констанция Антоновна не отказывалась от поэзии пафосной, понимала, что поэт в судьбоносные времена не может оставаться в стороне от жизни общества, более того, его первейшая задача — пробуждать это общество, подсказывать ему правильные пути. Характерно в связи с этим название одного из стихотворений, написанного еще в 1914 году, да и само содержание этого произведения — «Тварыць і кахаць» — характерное. Любить, однако, в самом широком значении этого слова, а не только применительно к близкому человеку. Любить и свое Отечество, родной народ:

Краніся светлай вялікай ідэі...
І з намі жывымі, гэі, гэі, працаваць!
І сіла ўваскрэсне, ўваскрэсне надзея —
Век жыць! Крэпка верыць! Тварыць і кахаць!

Теперь этот призыв согласовался с реалиями дня, когда все честные люди большой страны ждали освобождения ее от немецко-фашистских захватчиков, а миллионы с оружием в руках сражались с ненавистным врагом. В стихотворении «У маёй майстэрні» Буйло определяла задачу поэзии в таком плане:

...Песні, песні-арляняты,
Вам наказ гарачы з сэрца я даю:
Будзьце куляй, бомбай, мінай і гранатай,
І штыком і сілай для байца ў баю!
І павязкай мяккай у байца на ране,
І крыніцай чыстай, як захоча піць,
Ласкай і спакоем, спачываць як стане,
Словам — тым, чым толькі песня можа быць.

И другие стихотворения военных лет засвидетельствовали, что муза Буйло оставила ее только до поры до времени. У поэтессы по сути дела появилось второе дыхание. Ее стихи хорошо приняли писатели, которые тогда были в Москве: кто-то работал в редакциях белорусских изданий, а кто-то попадал в столицу наездом. Констанция Антоновна с готовностью встречалась с ними. После трагической гибели Купалы для нее это также была возможность ощущать себя причастной к литературе.

Очень обрадовалась она, когда Владислава Францевна как-то на улице познакомилась с Кузьмой Чорным, а тот переспросил: «Канстанцыя Буйлянка? Твае вершы чытаў. Ведаю, люблю». Обрадовало и это «Буйлянка» — после Ивана Доминиковича ее никто больше так не называл. Но в не меньшей степени обрадовало ее и то, что такие авторитетные писатели, как Чорный, интересуются ее творчеством и считают написанное достойным внимания.

А что это действительно так, подтвердил и прием Констанции Буйло в Союз писателей БССР. Собрались в гостинице «Москва». Председательствовал Михась Лыньков, а секретарем этого необычного заседания был Петрусь Бровка. Проголосовали единогласно. Бровка, поздравляя, еще сказал, что она получит продовольственные карточки. Это также было не лишним, ведь приходилось не однажды голодать, а беспокоилась она не столько за себя, сколько за сына — свою самую большую радость и утеху.

И все же жила с оптимизмом

Еще большую заботу и внимание к себе ощутила со стороны Союза писателей после войны. А когда приехала на первый послевоенный съезд белорусских литераторов, по сути дела, впервые узнала, какой большой популярностью поль-

зуется ее стихотворение «Люблю», которое давно стало любимой в народе песней. А убедили в этом ее сами писатели. Янка Брыль, Нина Тарас, Пилип Пестрак, когда она зашла в комнату, дружно запели «Люблю наш край — старонку гэту», а Адам Русак с большим удовольствием аккомпанировал мелодию на скрипке.

Было, однако, и то, что опять, как и до войны, омрачало жизнь. Это боль по погибшему мужу, которая не ослабевала с годами. Не стало ее меньше и тогда, когда вышла замуж во второй раз. Не по себе становилось, когда прямо, а чаще косвенно, намекали, как и о чем лучше писать, чтобы обратить на себя внимание, а она не могла (и не хотела!) «наступить на горло собственной песне».

До войны насчет этого было проще: мало писала — мало печаталась, а мало печаталась — мало обращала на себя внимания. Теперь же писала куда больше, и хотелось больше печататься. Однако редакции принимали далеко не все, а когда и публиковали, так с правками. После этого исчезало всякое желание предлагать что-то новое.

Ее молчание в печати не осталось незамеченным: белорусская эмигрантская пресса стала обвинять советскую власть в том, что она загубила талант Буйло. Подхватили эти мотивы и радиостанции, которые вели свои передачи на Советский Союз и, в частности, на Беларусь. Чтобы не было ненужного шума, официальные идеологи поспешили ошибку исправить и наконец в 1950 году свет увидела вторая книга Констанции Антоновны «Світанак».

Не сказать, чтобы сборник стал явлением в литературе. Но в том, что он не прозвучал надлежащим образом, вина не только самой поэтессы. Не лучшим образом поработала редаKTура, внося правки, а в итоге, говоря словами самой Буйло, в печать попали «пакалечаныя вершы». Были они и в ее более поздних книгах: «На адноўленай зямлі» (1961), «Май» (1965), «Роднаму краю» (1973), «Вясной» (1984). Были и произведения, в которых самой не всегда удавалось высоко держать планку художественности.

Конечно, последнее — явление обычное: каждому автору что-то удается лучше, что-то — хуже. Но применительно к Буйло не лишним будет сказать, что ей немало попортила нервов и та возня, что велась вокруг ее имени в заграничной прессе. Видимо, никто и подумать не мог, что своим излишним вниманием к поэтессе оказывает ей далеко не лучшую услугу. Из-за этого Буйло постоянно находилась и «на прицеле» у советского партийного руководства, которое в данном случае придерживалось принципа: дыма без огня не бывает. Если часто упоминают ее за границей, значит, дает для этого основания. Доходило до того, что ей приходилось давать ответ на страницах газеты «Голас Радзімы». И появлялись «опровержения» вроде: «І чаго яна клапоціцца пра мяне, тая чужая «Бацькаўшчына», чаму становіцца ў позу абаронцы мяне ад маёй Радзімы, ад роднага мне ўрада і партыі, якія аказалі мне вялікі гонар, узнагародзіўшы мяне Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета, адзначыўшы гэтым да дня майго нараджэння мае вельмі скромныя заслугі перад Радзімай і беларускім народам». Писала (и печатала) чем-то похожие по содержанию и стихотворения.

К счастью, в поэзии жила она не только этим. Правильнее, вопреки этому. Перечитываешь двухтомник и встречаешь немало произведений, написанных в более чем зрелом возрасте, которые, если бы не даты под ними, можно было бы легко отнести к молодой поэтической поре, настолько лирическая героиня молода душой, так открыто жаждет любви, счастья и так доверчива в выявлении своих чувств:

Ты мяне сягоння не будзі,
Хай мне сон прысніцца сіні, сіні...
Пльць хачу ў пругкай мора пльні,
Свежы холад цела каб студзіў —
Каб свяціла сонца так, як летам

У Кактэбелі свяціла нам,
Каб ізноў адчула я ўсё гэта,
Каб гучала ў душы паэта
Ў поўны голас спеўная струна...

Стихотворение писалось, когда за плечами было — даже не верится! — семьдесят четыре года. В этом же возрасте родилось и стихотворение «***Так, бывае, хоць, бадай, не часта». В отличие от предыдущего, оно наполнено рассуждениями о той вечности, которая соткана из мгновений повседневноности. Это размышление впечатляет тем, что поэтесса, видя жизнь в ее неразрывной связи, находит возможность по-своему высказать то, к чему не однажды обращались многие авторы. Хочется произведение привести целиком:

Так бывае, хоць, бадай, не часта:
Глянеш навакола светлым зрокам,
І ў вачах устане гай купчасты,
Быццам ён тут, побач, недалёка,
І пагорақ узнімецца зялёны,
І дарога ўзгорак той прарэжа...
Быццам след жывы, не запылёны,
На дарозе бачыш — новы, свежы,
І табе да болю трэба ведаць,
Хто ішоў, куды, з якім настроем...
Чым звязаў той след цябе з сабою?
Што чыгаеш ты па тому следу?
Што шукаеш? І чаго ты хочаш?
Думка быццам апаліе вочы,
Быццам жарам налівае грудзі...
Побач мы жывём. Жывыя людзі.
А як мала дадзена нам ведаць
Аб усіх — за кім ідзём па следу.

До последнего своего дня (умерла 4 июня 1986 года) Констанция Антонова жила насыщенно и деятельно. Иначе и не могла, ведь любила жизнь, людей. Любила свой народ и Беларусь. В Беларусь и вернулась в 1989 году. Урна с прахом поэтессы была перезахоронена в деревне Вишнево Воложинского района, где на могиле установлен памятник.

Поэтесса Нина Тарас когда-то на своей книге поэзии «У тапаліную замяць», подаренной старшей подруге, оставила автограф, в котором обыграла две строчки из дореволюционных стихов Буйло:

**«Дарагой маёй
Канстанцыі Буйло»**

«Палявая кветка» —
«Колас адзінокі»...
Друг ты мой харошы,
Друг ты мой далёкі.
Не завяла кветка —
Колас не зламаўся —
У народзе песняй
Вечнаю застаўся...»

Вечная песня Буйло — это, прежде всего, ее стихотворение «Люблю», но белорусскими композиторами положены на музыку и другие произведения Констанции Антоновны. Да и все лучшие стихи ее звучат, как песенные струны откровенной души, а к такой мелодии нельзя не прислушаться.